

Происхождение ислама

Происхождение ислама

POLITSTURM.COM

2019-08-24

19 мин. на чтение

Около IV в.н.э. внутри кочующих племён скотоводов-бедуинов, издревле населявших Аравийский полуостров, началось разложение общинно-родового строя.

Благодаря развитию торговых путей прежние патриархально-общинные отношения разрушались под ударами новых отношений имущественного разделения и классового неравенства.

Так в Мекке, – перевалочном пункте караванного пути из Йемена в Сирию, – появилась широкая прослойка зажиточных купцов-перекупщиков, проводников и тому подобных торговых посредников. Буйным цветом расцвело ростовщичество, нанёсшее особенно сильный удар по старым социальным структурам аравийского общества. Городские и сельские массы начали стремительно беднеть, попадая в кабалу к крупным скотовладельцам, шейхам и кредиторам; многие становились рабами, другие вынуждены были работать за копейки в ремесленных мастерских или на выпасе.

С другой стороны, в связи с подрывом родоплеменной обособленности и ростом торговых отношений, усиливались связи между разными племенами, возникали крупные союзы на основе взаимовыгодных договоров между богатеейшей племенной знатью и купечеством. Уже в этот момент возникает идея политического объединения аравийских кочевников, вскоре приобретающая характер насущной необходимости.

Связано это с тем, что великие империи того времени, – Византия и Иран, – стремились взять под свой контроль торговые пути, ведущие из стран Средиземноморья в Индию и Китай через территории, населённые арабами. Понятно, что сама арабская верхушка, богатство которой практически полностью основывалось на посреднических услугах торговым караванам, с волнением и тревогой наблюдала за противоборством двух гегемонов.

Длительная борьба между Ираном и Византией закончилась тем, что персы нанесли поражение Эфиопии, – византийскому сателлиту, – захватившей Йемен. Эфиопы были изгнаны, после чего Иран установил жесточайший контроль над транзитной торговлей, фактически перенаправив торговые пути в сторону подконтрольного Персидского залива. Прекращение транзита через Йемен тяжелейшим образом отразилось на экономике связанных с ним аравийских городов, – Мекки, Ясриба, Таифы и других.

Лишившись значительной доли барышей, аравийские богачи усилили эксплуатацию трудящихся: теперь уже целые племена попадали в долговое рабство, ростовщики бессовестно взвинчивали процентные ставки, ремесленники разорялись, пополняя ряды нищих. К началу VII века в Аравии назрел острый социально-экономический кризис: отношения между эксплуататорами (рабовладельцами, купцами, ростовщиками, шейхами) и эксплуатируемыми (рабами, ремесленниками, сельскими трудящимися) обострились до предела.

Верхушка арабского общества явно испытывала нужду в крепкой централизованной власти которая не только смогла бы сдержать натиск угнетённых масс, но и, объединив разрозненные части страны, сумела бы обеспечить независимость союза аравийских племён, вернуть утраченные

торговые пути, а также завоевать новые.

Но старые верования эпохи родоплеменного строя препятствовали объединительным тенденциям, разрушали политическое единство различных племён. Новой идеологией единого аравийского государства, соответствующей интересам привилегированных слоёв арабского общества должен был стать ислам с его воинственным монотеизмом и идеей единства всех мусульман.

Предвестники ислама

В противоположность Корану и его толкователям, в один голос утверждающим, что основателем арабского единоверия является получивший божественное откровение пророк Мухаммад, мы можем сказать, что как религиозная система ислам сложился далеко не сразу, а Мухаммад, сколь бы не были великими его реальные дела, отнюдь не являлся родоначальником арабского монотеизма.

Задолго до появления на свет исламского пророка, в Аравии уже были широко распространены монотеистические религии: на севере современного Йемена существовало довольно агрессивное христианское Аксумское царство, а в некоторых городах (оазисы Северного Хиджаза, Ясриб, Наджран и др.) имелись мощные диаспоры иудеев, расселившихся здесь ещё в эпоху римского завоевания.

Непосредственным продуктом влияния христианства и иудаизма на местные кочевые племена стало появление в IV в. н.э. т.н. «рахманизма» (от древнеаравийского «rhmān» - «милосердный»): расплывчатой и весьма невнятной веры в некое единое верховное существо, пустившей особенно глубокие корни как раз в Йемене, где сильнее всего чувствовалось культурное влияние христиан и иудеев.

Вслед за рахманизмом, как результат настоятельной необходимости объединения арабских племён, в V веке в Аравии появился ханифизм - уже более упорядоченная и возведённая в систему вера в единого бога (таухид). Причём, в отличие от рахманизма, ханифизм напрямую вёл борьбу с племенными верованиями и местными божками, призывая к единению всех арабов вокруг некоего верховного божества, аллаха (от арабского «al-ilah», «бог» с определённым артиклем).

Собственно, и сам Мухаммад принадлежал к движению ханифов, которое к моменту начала его религиозной проповеди уже имело солидную историю, так что представление о нём как об основоположнике веры в единого бога исторически неверно.

Мухаммад

Историческая наука не располагает достоверными сведениями о жизни и деятельности Мухаммада. Сопоставляя данные из различных, явно тенденциозных источников, очищая их от мифологической мишуры, можно составить некое общее описание жизненного пути этого скорее всего существовавшего в реальности человека.

Мы можем сделать вывод, что речь идёт о выходе из не слишком богатой семьи мелкого мекканского торговца из влиятельного племени курейши, который в возрасте около 40 лет, внезапно забросив семейное торговое дело, ударился в религиозную проповедь, объявив себя пророком.

За первые 12 лет своей публичной деятельности Мухаммад не достиг особо впечатляющих успехов: мекканская беднота по преимуществу чуралась пророка, а курейшитская знать опасалась, что введение новой веры подорвёт её господствующее политическое и экономическое положение.

В связи с явными неудачами на родине, а также открытым притеснением со стороны мекканских владык, Мухаммад во главе своих сторонников в 622 году перемещается в Ясриб (Мадинат ан-наби, «город пророка», или сокращённо, Медину), т.е. совершает «хиджру» (араб. «переселение»), от которой идёт отсчёт мусульманского летоисчисления.

Здесь дела пошли более успешно. Во-первых, потому, что население провинциальной Медины испытывало открытую неприязнь к гонителям мусульман, – мекканской политической верхушке, которая стремилась установить своё господство также и над соседними племенами и городами. А во-вторых, пророк сумел найти взаимопонимание в своей ненависти к Мекке среди своих многочисленных родственников по материнской линии (мать Мухаммада Амина как раз происходила из Медины). Кроме того, к нему примкнули ранее изгнанные из Мекки другие проповедники-ханифы со своими учениками. С другой стороны, некоторая социальная демагогия пророка, вроде проклятий в сторону ростовщиков, взимающих колоссальный процент и тем самым разоряющих трудящихся, или осуждение высокомерия богачей, привлекали к мусульманам массы наиболее обездоленных жителей города и его окрестностей.

Таким образом, в Медине образовалось крупное оппозиционное Мекке социально-религиозное движение, во главе которого встал Мухаммад. Вскоре подавляющая часть жителей города, а также окружающих племён кочевников присоединилась к мусульманской общине, увидев в «единой вере» пророка призыв к необходимому умиротворению Аравии, раздираемой в тот момент бесчисленными и бесконечными религиозно-племенными распрями.

Буквально за один год завоевав господствующее влияние в регионе, Мухаммад, не откладывая дела в долгий ящик, под лозунгами «войны с язычеством» начал длительную борьбу с мекканской политической верхушкой. Неустанные нападения на торговые караваны, приносившие не только средства для существования мусульманской общины и содержания её армии, но и вызывавшие рост авторитета самого Мухаммада, вкупе с расширявшейся религиозной пропагандой среди мекканской бедноты, вызвали ответные меры со стороны враждебной верхушки курейшитов. Однако внутренние разногласия и недюжинный полководческий талант Мухаммада привели к тому, что, несмотря на явное превосходство в богатстве и силе (в своей борьбе против мусульманской общины курейшиты использовали даже многочисленных рабов-эфиопов), мекканцам так и не удалось добиться победы над Мединой.

Наконец, в ситуации стратегического равновесия, Мухаммад и политическая верхушка Мекки достигли компромисса, заключив в 628 году Худайбийский мирный договор. Однако через год по вине курейшитов договор был нарушен, после чего Мухаммад, собрав из окрестных племён армию в 10 тысяч человек, захватил Мекку практически без боя. Но столь долго вредившая мусульманской общине мекканская племенная верхушка не была уничтожена: ограничившись удалением из Каабы племенных идолов и принятием у жителей мусульманской присяги, Мухаммад удалился из родной Мекки,

оставив здесь двух своих наместников, нашедших полное взаимопонимание с курейшитскими богачами.

Собственно, такова история триумфального возвышения учения Мухаммада, который умер спустя всего два года после «завоевания» Мекки, успев за это время объединить под единым централизованным руководством практически весь Аравийский полуостров.

Есть веские причины полагать, что Мухаммад в своей борьбе за объединение Аравии не был единственным и неповторимым. Историческая необходимость к объединению арабских племён, а также явный протест широких масс против отживших порядков патриархально-родового строя породили довольно серьёзное и воинственное «пророческое» движение. Сунна, – мусульманское священное предание, излагающее детали жизни пророка, – упоминает как минимум о четырёх «лжепророках»-ханифах, занимавшихся аналогичной деятельностью, т.е. насаждением единого культа аллаха среди аравийских племён во имя создания централизованного государства.

Первым из них был Мусайлима (Маслама), политический вождь племени ханифа, обосновавшийся в аль-Ямаме, земледельческом центре Аравийского полуострова. Объявив себя пророком единого бога Рахмана, Мусайлима, поначалу пытался договориться с Мухаммадом о разделе сфер влияния в Аравии, но получив отказ, развернул долгую и упорную борьбу против мусульманской общины. Выстраивая свою проповедь на принципах уравнивания, Мусайлима завоевал популярность у большей части эксплуатируемого населения аль-Ямамы, опираясь на которую он сместил традиционного племенного вождя Сумаму ибн Усалу, принявшего к тому моменту ислам. Вероятно, противостояние с племенной знатью и богачами, склонявшимися к учению Мухаммада, гарантирующего сохранение ими своего политического и экономического положения, стало основной причиной ослабления лагеря Мусайлимы, который вскоре после смерти Мухаммада был разбит войсками преемника пророка, халифа Абу Бакра.

Другим «посланником аллаха», стремившимся объединить Аравию под собственным политическим руководством, являлась Саджах, женщина-пророчица, ставшая политическим руководителем крупного племени тамим, установившим контроль над районами, охватываемыми не только Аравию, но и часть современного Ирака. Забавно, что помимо нападений на мусульманские районы, отряды Саджах осуществили рейд и против Мусайлимы, который вынужден был откупиться от врагов частью урожая аль-Ямамы. Однако, как и в случае с первым «лжепророком», внутренние распри подорвали силы оппозиционного исламу племенного союза, который был так же разбит войсками халифата немногим после смерти Мухаммада.

Третьим претендентом на роль единственного «пророка аллаха» стал Тулайха (Талха), военный вождь племени асад, сумевший объединить вокруг себя союз племён во имя «борьбы с язычниками» Сирии и Ирака. Не признавая за Мухаммадом руководящей политической роли, Тулайха развернул яростную антиисламскую пропаганду, вступив в войну с молодым исламским государством, которое в 632 году опять же нанесло ему поражение.

Наконец, четвёртым «наби» (пророком), вещающим от имени единого бога, являлся Аль-Асвад Аль-Анси, военный вождь племени анситов, установивший своё господство над всей территорией Йемена как раз в тот момент, когда Мухаммад вёл к победе войну против Мекки. Убив принявшего ислам местного правителя, и изгнав назначенных Мухаммадом чиновников, Аль-Анси вступил в военно-идеологическое противостояние с исламом, закончившееся тем, что за

несколько дней до смерти самого Мухаммада, войска «лжепророка» были разбиты мусульманскими войсками, усиленными персидскими наёмниками.

Таким образом, к середине VII в. в результате интенсивной межплеменной борьбы ислам, – как идеология, наиболее полно отвечающая требованиям развития арабского общества в тот момент, – утвердился на Аравийском полуострове. «Материальным» выражением чего стало объединение некогда разрозненных племён под эгидой единого исламского государства, т.н. Праведного халифата. Который, добившись окончательного укрепления центральной политической власти, создания единой армии и единой финансовой системы, уже в 633 году предпринимает, – под лозунгами «распространения истинной веры», – захватнический поход в Ирак, одну из богатейших провинций Сасанидской империи. Тем самым халифат, с одной стороны, ослабляет сохранявшуюся антиисламскую племенную оппозицию, дав ей возможность поправить своё экономическое положение участием в грабеже, а с другой стороны – завоевание новых земель, обложение населения этих земель налогами и податями, объективно укрепляло централизованное арабское государство, сосредотачивая в руках халифов, визирей, эмиров, набивов и прочей феодальной знати огромные богатства, пускавшие на новые завоевательные походы. Таким образом, уже через 100 лет после возникновения халифата, его границы простирались от предгорий Армении до Испании.

Классовая сущность ислама

Как религия ислам, – так же как и христианство, – являлся синкретическим культом, изначально вобравшим в себя ряд устоявшихся в арабском родоплеменном обществе представлений, ритуалов и обрядов. Так, пятикратная молитва с обязательным умыванием (характерная, кстати, и для гораздо более древнего зороастризма), посты, запретные месяцы (аль-ашхур аль-хурум), ритуал обрезания (суннат), пищевые и хозяйственные табу (харам) – всё это являлось частью доисламской традиции арабов, органично вписавшейся в новый монотеистический культ. Который был так же соткан главным образом из знакомой ханифам иудео-христианской и местной, – конкретно, мекканской, – мифологии.

Так, чёрный камень Каабы являлся предметом поклонения кочевников-арабов задолго до рождения Мухаммада. К моменту начала его пророческой проповеди Мекка уже превратилась в крупный торгово-экономический центр Аравии, где регулярно, во время запретных месяцев, проводились ярмарки, приносящие мекканской верхушке огромные барыши. Идеологически, эта экономическая деятельность выражалась в трансформации Мекки в своеобразный общеарабский религиозный комплекс, где располагались многочисленные идолы и тотемы аравийских племён, в честь которых, собственно, и устраивались базары. Ислам не только не нарушил эту языческую традицию, он её ещё больше укрепил, объявив чёрный камень (один из многих подобных племенных фетишей, вероятнее всего символизировавший верховного мекканского бога Хуабала) священным, а Каабу (кубический храм, возведённый над этим камнем) обязательной для посещения праведными мусульманами святыней. Точно такая же ситуация сложилась с ритуалом прохода между двумя холмами, расположенными по соседству с Каабой – Сафа и Марва. Являющаяся явно и однозначно языческой традицией доисламского мекканского культа, она сохранилась и в исламе, став обязательной практикой во время «хаджа».

Таким образом, реформы Мухаммада, «легализовавшего» прибыльный культ Каабы ссылаясь на деятельность библейских Адама, Авраама и Исаиила,

которые якобы и стояли у истоков мекканского поклонения чёрному камню, содействовали дальнейшему укреплению экономической, политической и идеологической власти родного для пророка племени курейшитов в арабском обществе. Укажем в этой связи, что все т.н. праведные халифы, а также пришедший им на смену род халифов Омейядов происходили как раз из племени курейш.

С классовой точки зрения, ислам, – как и христианство, – сыграло свою положительную роль в переходе от родоплеменного строя с элементами рабовладения к феодализму. Разрушив прежние племенные границы и культурно-экономическое разделение, ислам провозгласил сперва равенство всех арабов, а затем, с началом экспансии объединённого исламского государства, и вообще равенство всех мусульман.

Однако, в отличие от христианства, выражавшего на ранних этапах своего развития некоторые антиимущественные взгляды рабов и бедноты, ислам изначально стоял на страже интересов частной собственности и никогда не допускал развития пусть даже примитивных уравнилельно-коммунистических идей, свойственных различным христианским сектам и течениям в разные эпохи (агонистикам, анабаптистам, гуситам и т.д.). В проповеди Мухаммада не содержится никаких революционных идей, призывов к разделу имущества или к освобождению рабов. Элементы, осуждающие взимание процента (рибы) или высокомерие богачей являются не более чем социальной демагогией, призванной привлечь к исламу нищенствующих трудящихся Аравийского полуострова.

В целом же, религия Мухаммада не несла никакой реальной опасности для имущества бедуинской племенной верхушки, которая, – в новом исламском централизованном государстве, – завершила свою трансформацию, окончательно оформившись в феодальный класс.

Таким образом, мы можем заключить что ислам, – один из подвидов ханифистской проповеди, – являлся идеологией восходящего класса арабских феодалов. Который, утвердив господство в результате кровопролитной борьбы, навязал обществу свою волю посредством особой системы юридического права, – «шариата», – источником которого являются Коран и Сунна, а также «иджма» – совокупное мнение богословов-юристов (факихов), находящихся на содержании у феодалов.

Шариат, окончательно сложившийся в XI-XII вв., полностью и безоговорочно выражает интересы крупных собственников. Узаконив личное и имущественное неравенство, «освятив» право частной собственности, низведя женщину до уровня предмета роскоши и домашней рабыни, а также санкционируя непосредственно патриархальное рабство, шариат предусматривал суровое наказание за покушение на святые устои частной собственности. Ярким примером может стать знаменитое отрубание рук вора, осуществляемое независимо от того, какие факторы заставили человека воровать.

Вместе с тем, в шариате присутствует система уловок и юридических хитростей («хила», мн.ч. «хийал»), позволяющая «законно» обходить шариатские запрещения и предписания, «не оскорбляя аллаха», чем пользовались кадии (шариатские судьи), факихи и алимы (авторитетные богословы) для защиты интересов собственников, с рук которых они кормились. Уже с VIII в. хийал активно использовался имущими слоями исламского общества для самых различных целей: уклонения от уплаты закята (о закяте – ниже), лжесвидетельства, получения преимущественного права на приобретения земли и недвижимости, разврата (через т.н.

«временный брак» – никях мут'а), ростовщических и спекулятивных сделок и тому подобных мероприятий. Сегодня наиболее выражено применение хийала мы можем лицезреть на примере работы т.н. «исламских банков», существующих вопреки прямому запрету ростовщичества и взимания процента самим Мухаммадом.

Однако, не устанавливая никаких реальных преград для беспардонного обогащения частных собственников, защищая их интересы именем бога, ислам и шариат не могли бы поддерживать господство феодальной знати, если бы не вводили элементы, направленные на реальное сохранение «классового мира», на ограниченную помощь и поддержку ограбленных и угнетённых слоёв бедствующего мусульманского населения. Такими важными элементами являются закят и садака.

Закят, являющийся обязательным для исполнения каждым мусульманином, это ежегодный налог (первоначально натурой, а затем деньгами) с любого вида дохода и имущества, выплачиваемый в пользу нуждающихся единоверцев – нищих, вдов, сирот, должников и других категорий неимущих. Концентрирующийся в руках духовенства, закят служил мощным инструментом для поддержания морального и материального престижа исламского культа в обществе за счёт благотворительности.

Садака, в отличие от закята, носит добровольный характер милостыни, подаваемой мусульманином с целью заслужить довольство аллаха.

Оба этих ритуала были направлены на частичное снижение социального напряжения между бедными и богатыми, на создание иллюзии единства интересов грабителей и ограбленных, на уничтожение всякого революционного брожения ссылками на «справедливость» исламской религии, которая якобы заставляет богатого делиться тем, что дал ему аллах (т.е. богатством) с неимущими.

Заключение

Рождённый в эпоху разрушения патриархально-родового строя аравийских арабов, ислам отнюдь не являлся продуктом исключительно проповеди Мухаммеда. Изменение бытия арабов, довольно быстро превратившихся из конгломерата полукочевых племён в строителей великой империи, привело к соответствующим изменениям и в идеологии. Завоевание новых земель молодым исламским государством, не подготовленным к сложным формам государственной администрации, знакомство с культурой и традициями народов, находившихся на более высокой ступени развития, необходимость идеологического контроля над пёстрым населением халифата, чуравшимся странных традиций арабов, проистекавших из их полукочевого пустынного бытия, формирование мощного торгового капитала, всё это не могло не привести к постепенному «обогащению» исламского культа, философии и права новыми гранями.

Бурное и, по меркам истории, молниеносное развитие арабского общества от полукочевого состояния к феодализму, а затем и к созданию империи, охватившей своим влиянием огромные пространства, привело в IX-XII вв. к столь же бурному развитию мусульманской культуры, впитавшей в себя достижения вошедших в халифат народов. Опираясь на опыт прошлых поколений иноверцев, учёные халифата внесли существенный вклад в развитие астрономии, оптики, химии, минералогии, медицины, агрономии, ботаники, математики. В тот момент, когда средневековая Европа ещё прозябала в религиозном невежестве и интеллектуальной грязи, арабы уже

были знакомы с лучшими произведениями античной научной и художественной литературы (сохранению которых мы во многом им и обязаны), беспощадно уничтожавшейся христианской церковью.

Столь либеральное отношение исламского общества к чуждому влиянию, проистекавшее из расширения торгово-экономических отношений, привело к появлению особой прослойки мусульманской интеллигенции, – «адибов», – которым были тесны узкие рамки мусульманского мировоззрения. И неудивительно, что уже на ранних этапах среди этих всесторонне развитых личностей росли сомнения в истинности исламских установок. В этом смысле мусульманская средневековая культура, – в отличие от культуры христианского запада, – весьма богата примерами откровенного атеизма и вольнодумства.

Уже в X-XI вв. среди мусульманских учёных и интеллигентов появляются первые «мульхиды», – люди, не верящие ни в одного бога, – некоторые из которых, – например, Омар Хайям (1048-1123) или Абу-ль-Аля аль-Марри (973-1057), откровенно и открыто высмеивали мусульманскую обрядность, веру в потустороннюю жизнь и воскресение, вскрывали неразумность и несправедливость освящённых именем бога социальных порядков, обвиняли господствующую верхушку в том, что она использует религию для того, чтобы держать людей в повиновении.

Но ещё больше было таких атеистов и религиозных скептиков, которые, в силу утвердившихся религиозно-идеологических норм, не могли открыто выражать свои мысли. Они прибегали к особому приёму – «таавилю», – символически-аллегорическому и иносказательному толкованию священных текстов в антирелигиозном духе. Одним из первых знаменитых «мульхидов», взявших на вооружение принцип «таавиля» являлся Абу Хаян ат-Таухиди (922-1023), считавшийся наиболее опасным атеистом в силу умения скрывать свои «подрывные» взгляды за внешней оболочкой полной лояльности принципам ислама.

В дальнейшем, принцип «таавиля» приобретёт повсеместное распространение среди философов, поэтов и даже теологов арабского средневековья. В последнем случае, мы имеем в виду философско-религиозное движение мутазилитов, категорически отрицавших исламский фатализм, признававших свободу человеческой воли и негативно относившихся к попыткам оправдания несправедливости и общественного зла ссылками на божественный промысел. Причём зачастую эти рассуждения доходили и до откровенного богоборчества, как это случилось с Абу Исой аль-Варраком (889-994), автором книги «Опровержение трёх религий», или с Ибн ар-Раванди (855-910), основоположником концепции «трёх обманщиков» (Моисея, Иисуса и Мухаммада), ещё длительное время оказывающей влияние на арабских религиозных скептиков.

Таким образом, скачкообразное развитие арабского общества, связанное с торжеством ислама, вместе с тем привело и к развитию откровенно антирелигиозных настроений внутри молодой мусульманской «интеллигенции», объективно выражавшей интересы, во-первых, торгового капитала, скованного в своём развитии нелепыми религиозными запретами, а во-вторых, неарабской части феодального класса, вынужденного подчиняться халифу как наследнику самого пророка Мухаммада.

Характерно, что это широкое атеистическое движение, порождённое национальной и социальной спецификой халифата и включавшее в себя десятки философов, поэтов, учёных и богословов, происходило в тот момент, когда «просвещённая» христианская Европа буквально утопала во тьме

религиозного мракобесия, не допускавшего даже малейшего сомнения в истинности христианских догматов.

Вопреки сложившимся на Западе стереотипам, мусульманский восток не был диким полем, населённым бородатыми фанатиками; напротив, в период X-XII вв. именно интернациональный халифат являлся центром культурного и экономического развития человечества. Которое, достигнув предела в данных условиях, привело сначала к подрыву господства халифов за счёт экономически крепнувшего регионального сепаратизма, а затем и к окончательному крушению ослабленного халифата под ударами монголов в XIII веке.

Вслед за этими событиями ислам начинает терять свои прогрессивные черты. Золотой век вольнодумства мусульманского средневековья сменился реакционным мракобесием разлагающегося феодализма. Однако, философские идеи восточных атеистов не пропали даром: через Сицилию и Толедо переведённые на латынь труды арабо-мусульманских «мульхидов» попадали в университеты западноевропейских государств, где они легли в основу формирования нового типа антифеодального и антирелигиозного мировоззрения, мировоззрения нарождающейся европейской буржуазии.

По словам Энгельса («Диалектика природы») именно жизнерадостное свободомыслие арабов подготовило материализм XVIII века.

Оригинальная статья